

Глава 7. Давай, пусть кровь брызнет на три чи!

Ситуация зашла в тупик.

Цинь Шэнь получил заложенную Еян Цы семейную реликвию, но ещё не заплатил. Если с уездным судьёй сейчас что-то случится, подозрение в убийстве ради наживы неизбежно падёт на него. Еян Цы прибыл в Гаотан не один, и, возможно, уже нанёс визит вышестоящему начальству, так что его следы скрыть было невозможно.

Еян Цы же случайно узнал тайну резиденции князя Лу. Если этот секрет раскроется, он непременно повлечёт за собой глубокое расследование, и полетят головы — не исключено, что и самого Цинь Шэня.

Они встретились всего во второй раз, и уже были вынуждены доверить свои жизни совести друг друга. Такой расклад не устраивал ни Еян Цы, ни, тем более, его высочество.

И вот, в кабинете, залитом первыми лучами заката после дождя, они, нахмурившись, сверлили друг друга взглядами, каждый в уме просчитывая, как взять оппонента под контроль.

Еян Цы заговорил первым:

— Я готов стать вашим советником. Хоть я и не буду служить в вашей резиденции, вы можете отдавать мне распоряжения письменно. Три года, бесплатно.

Цинь Шэнь ответил:

— В моей резиденции уже есть два гостя и один профессор, мне не нужен ещё один заочный помощник. Впрочем, места кухарки и слуги-мальчика я могу освободить для твоей жены и детей.

— Мне двадцать лет, я ещё не женат и не имею детей, — возразил Еян Цы. — Мои родители и братья живут далеко на родине, а сестра служит при дворе. Так что у меня нет родственников, которых можно было бы взять в заложники.

Первый раунд остался за господином Еяном, который благодаря своему холостому положению получил небольшое преимущество.

Князь Гаотан, подумав, произнёс:

— Два года назад ты сдал экзамены с отличием, став третьим в списке, и, должно быть, обладаешь незаурядным литературным талантом. Почему бы тебе не последовать примеру Сун Гунмина и не написать на стене какого-нибудь пустого дома стихи, подобные его «Когда я

достигну заоблачных высот, я посмеюсь над Хуан Чао, что он не был настоящим героем»? Не волнуйся, я опечатаю этот дом и сохраню его как твою собственность в Гаотане.

Писать бунтарские стихи? Это преступление, караемое казнью всей семьи! Он хочет держать меня на крючке, угрожая всему роду. Еян Цы тут же отказался:

— Моё перо слабо, а в груди нет великих амбиций. Я не смогу написать столь дерзких и героических строк.

— Я найду того, кто напишет, — парировал Цинь Шэнь. — Тебе нужно лишь переписать их на стену и поставить свою подпись.

Второй раунд. Цзюньван Гаотан, благодаря глубокому знанию законов, отыграл позиции.

Еян Цы глубоко вздохнул:

— Я не умею писать такие вещи и не стану их копировать. Могу лишь поклясться своей жизнью, что буду хранить молчание.

Его собеседник покачал головой:

— Твоя одна жизнь не стоит жизней двух моих невесток, племянника и нескольких сотен слуг в резиденции князя Гаотана.

— Моя жизнь, может, и не так ценна, как жизнь особ императорской крови, но и забрать её сегодня князю не удастся, — твёрдо произнёс Еян Цы. — Когда я покину Гаотан, вы вольны посылать убийц или отравителей, я приму любой вызов.

Цинь Шэнь снова покачал головой:

— Боюсь, как только ты выйдешь за ворота, то тут же расскажешь всё своему сопровождающему, и новость разлетится по всей префектуре Дунчан, а то и дойдёт до двора.

Переговоры зашли в тупик. Еян Цы, раздосадованный, сказал в сердцах:

— Может, дадите мне какой-нибудь яд медленного действия, а единственное противоядие будете держать у себя и выдавать мне по частям каждый месяц?

— Ты думаешь, я верю в сказки из рыцарских романов? — холодно ответил Цинь Шэнь. — Не существует яда, от которого противоядие было бы известно лишь мне одному! Состав любого снадобья можно разгадать. Я бы лучше влил в тебя бутылку «красного венца» и покончил с

этим разом!

Еян Цы пошёл ва-банк:

— Тогда я впаду в ярость простолюдина, и мы погибнем вместе! Давай, пусть кровь брызнет на три чи!

Третий раунд... доказал, что когда благородные господа теряют лицо, они превращаются в двух скалящихся и размахивающих лапами зверей.

Цинь Шэнь резко шагнул вперёд, стремясь схватить Еян Цы за горло. Тот, ловко извернувшись, выскользнул из его хватки.

Взгляд князя стал жёстким. Он отбросил небрежность, и его согнутые пальцы, словно когти ястреба, хватающего зайца, со свистом устремились к суставам противника.

Еян Цы, вывернув руку, освободился, но в душе его похолодело. Прежний князь Лу, Цинь Лю, создал в армии систему рукопашного боя под названием «Сокрушение боевых одежд». Её принципы — точность, скорость и жестокость, умение использовать малейший шанс для удара по уязвимым местам. В руках сильного бойца она становилась грозным оружием. Судя по движениям Цинь Шэня, он перенял искусство своего отца в совершенстве. С такими навыками — как он мог создать при дворе впечатление «скромного и заурядного» человека, о котором твердили члены императорского клана?

Разве что он сам хотел казаться посредственностью и намеренно распускал подобные слухи.

Нельзя было позволить ему продолжать. Дело было не в страхе проиграть, а в том, что чем больше князь раскрывал себя, тем глубже Еян Цы увязал в его тайнах. А Цинь Шэнь, похоже, перестал осторожничать — то ли потому, что они были в потайной комнате, то ли потому, что ему было всё равно, что узнает мертвец.

Еян Цы, уловив момент, когда тот применил приём «дракон, обвивающий ногу», пошатнулся и упал вперёд. Цинь Шэнь, заломив ему руки и оперевшись коленом в поясницу, прижал его к каменному полу.

— Не решаешься показать всё, на что способен? — глухо спросил он.

— Я не смею. И князю советую быть осторожнее, — уклончиво ответил Еян Цы.

Цинь Шэнь не ответил. Одной рукой он давил ему на шею, его дыхание было тяжёлым, а на душе — смятение.

На верхнем халате чиновника расстегнулось несколько пуговиц, воротник исподнего тоже съехал. Князь невольно заглянул под одежду. В тусклом свете сумерек, когда в комнате ещё не зажгли лампы, он смутно разглядел полоску кожи — гладкую, как жирный нефрит, изгибающуюся столь изящно, что её, казалось, можно было обхватить ладонью.

«Если бы сжать её... — Цинь Шэнь невольно поддался наваждению. — Почувствую ли я тепло тающего снега и журчание весенних вод? Уловят ли пальцы принесённый южным ветром прохладный аромат столичной сливы?»

Он медленно наклонился ниже и произнёс бесстрастным голосом:

— Ты говоришь, что ставишь на кон свою жизнь, но жизнь нельзя заложить, как свиток. Что ещё... ты можешь мне доверить?

Когда он перестал называть себя «этот князь», Еян Цы тоже перестал использовать официальные обращения. Он поднял лицо, перевёл дух и сказал:

— Я заложу тебе тайну равной важности. Что скажешь? Так у каждого из нас будет рычаг давления на другого.

Цинь Шэнь почувствовал одновременно и разочарование, и облегчение.

— У императора одиннадцать сыновей. Двое погибли на поле боя в юности, ещё пятеро умерли один за другим, достигнув совершеннолетия. Сейчас остались только восьмой, девятый, десятый и одиннадцатый принцы. Старшему нет ещё и двадцати, младший — совсем ребёнок. Император жалеет их, не жалуется им титулов и не отправляет в уделы, а держит при себе в столице.

— Это не тайна.

— Тсс, слушай дальше. В прошлом году, когда я ещё служил в академии Ханьлинь, я доставлял исторические рукописи во дворец восьмого принца. Внезапно он впал в безумие, и я, защищаясь, едва не убил его.

— Почему восьмой принц обезумел? — спросил Цинь Шэнь.

Еян Цы не ответил и таинственным голосом продолжил:

— Когда приступ прошёл, он не стал меня наказывать и, казалось, забыл свои речи. Но я понял, что в Запретном городе мне больше не место. Поэтому я нашёл способ обмануть государя и добиться перевода... так я и оказался в Сяцзине.

Цинь Шэнь настойчиво спросил:

— Почему восьмой принц впал в безумие? Что он говорил? И как именно ты обманул императора?

Еян Цы в ответ спросил:

— Почему покойный князь Лу, Цинь Сюнь, приказал своим жёнам и наложницам умереть вместе с ним? Кто отдал этот приказ? Неужели никто не заметил, что одна из женщин была беременна?

Князь промолчал.

— Я же говорил — «тайна равной важности», — подытожил Еян Цы. — Я вижу лишь верхушку айсберга, и князю не стоит надеяться, что он увидит всё.

Цинь Шэнь, подумав, разжал руки и встал.

Еян Цы сел, поправил воротник и застегнул пуговицы на груди.

— Уже темнеет, я не успею вернуться в Сяцзинь и переночую на почтовой станции. У князя будет время подготовиться. Да, и везти всю сумму в слитках тяжело, моя повозка не выдержит, а курс ассигнаций постоянно меняется. Будьте добры, завтра утром передайте мне пять тысяч лянов мелкими слитками, а остальные пятнадцать тысяч я заберу позже, прислав за ними отряд из патрульной инспекции.

Цинь Шэнь смотрел на его пальцы, застёгивающие пуговицы. Кончики пальцев были белыми — видимо, от долгого соприкосновения с холодным полом.

— О чём думает князь? — Еян Цы встал и отряхнул одежду.

— Ни о чём.

— Так князь согласен на мою просьбу?

— Патрульная инспекция не годится. Какая боевая мощь у отряда лучников, набранных по повинности? Я не доверяю им свои деньги. Когда всё будет готово, я пришлю для сопровождения своих стражников.

Это была неожиданная удача. Еян Цы усмехнулся:

— Слушаюсь. Но князь ошибся в одном — это уже мои деньги.

— Через три года не вернёшь? Вот и отлично, — отозвался Цинь Шэнь.

Еян Цы тут же поправился:

— Это деньги князя! Князь — мудрый человек, разглядевший талант, мой инвестор.

Цинь Шэнь удовлетворённо кивнул и указал на дверь:

— Как вошёл, так и выходи.

Спасшийся Еян Цы с синим шёлковым зонтом в руках вернулся тем же путём. У ворот резиденции он увидел повозку, ожидавшую у ступеней. Сгустились сумерки, на улице зажглись фонари, освещая обеспокоенное лицо Фан Юэ на козлах.

Увидев его, Фан Юэ просиял и крикнул внутрь:

— Вышел!

Занавеска приоткрылась, и Тан Шицзин мельком взглянул на Еян Цы.

Уездный судья сел в повозку, бросил мокрый зонт под сиденье и с улыбкой сказал:

— Получилось. Правда, пришлось потрудиться.

Он добился своего и вышел сухим из воды, поэтому был совершенно расслаблен, и улыбка его сияла. Лишь мгновение спустя Тан Шицзин спросил:

— И сколько господин получил серебра?

— Пять тысяч лянов, завтра утром доставят на почтовую станцию.

Эта сумма превзошла все ожидания Тан Шицзина. Он удивлённо приподнял бровь:

— Князь Гаотан оказался столь щедр?

— Мне тоже пришлось заплатить свою цену, — вздохнул Еян Цы. — Сегодня переночуем на почтовой станции, а завтра утром вы со мной поедете на рынок за покупками, а потом наймём

несколько грузовых повозок.

Тан Шицзин хотел спросить, что это за «цена», но промолчал. Он лишь коротко приказал Фан Юэ:

— На почтовую станцию.

Чиновники могли останавливаться там бесплатно, но еда на станциях была невкусной, а комнаты — тесными, поэтому высокопоставленные лица старались их избегать. Тан Шицзину и Фан Юэ было всё равно, они привыкли к разъездам и часто ночевали под открытым небом. Они полагали, что господину Еяну будет неудобно, но тот проспал до рассвета, не выказав ни малейшего недовольства.

Когда Еян Цы лёг спать, Тан Шицзин и Фан Юэ сидели в соседней комнате и разглядывали стопку объявлений о розыске с портретами преступников.

— Этот и вот этот, — Тан Шицзин ткнул фитилем лампы в изображения. — Действуют в окрестностях Гаотана, вспыльчивы, жадны и связаны с «Кровавым Колокольчиком».

— А главное, за головы этих двух разбойников назначена самая высокая награда, так? — дерзко пошутил Фан Юэ.

Тан Шицзин хмыкнул:

— Если дело выгорит, денег не получишь.

— Начальник, я был неправ! — взмолился Фан Юэ и тут же сменил тему. — А где наживка для рыбы?

— В соседней комнате, — ответил Тан Шицзин.

— В соседней... Господин Еян?! — ужаснулся Фан Юэ. — Использовать его как наживку для разбойников? Начальник, подумай хорошенько!

— Уже подумал.

— Тогда подумай шесть, девять, сто раз! Это же уездный судья, если с ним что-то случится...

— ...В Сяцзине снова появится новый уездный судья.

Фан Юэ потерял дар речи.

Тан Шицзин усмехнулся:

— Шучу. С ним ничего не случится, я всё устрою. А ты сейчас же иди и собери всех тайных агентов в Гаотане, пусть распространят слух.

Фан Юэ выполнил приказ, но, вернувшись, всё ещё был обеспокоен и всю ночь ворочался. Тан Шицзин же, спавший на соседней лежанке, провёл ночь тихо и неподвижно.

<http://bllate.org/book/15875/1436823>